

Михаил Пойзнер

Прощай, оружие...

...В свое время дядя Сеня с Картамышевской – старый одесский поездной вор – поучал меня: «Никогда не ходи без оружия. Держи его «с умом»... А то, не дай Бог, всегда будешь «ходить на босу ногу». На языке поездных воров (не путать с ворами вокзальными) это означало – украсть из купе тяжелый чемодан, в котором ничего ценного не окажется... Короче, рисковать жизнью ни за что...

И я, кажется, всегда хотел иметь оружие. Хоть какое. Особенно если ты воевал, если пережил все и выжил... Законно, не законно – это уже другое дело. У жизни законы свои...

Я же конца 25-го года. На 22 июня 41-го призыву в армию не подлежал. Еще и школу не окончил. А вот оборону Одессы помню хорошо. И где какая баррикада, и Пересыпь затопленную, и перепуганные толпы, и грабеж магазинов. И потом – «новый румынский порядок», и как евреев «сдавали»...

Жили мы тогда на Пишоновской. В первый год оккупации, в самую голодуху, ходили аж за Дальник – собирали картошку, семечки, колосья... Где сейчас корпуса Высшей мореходки, там были огороды, еще и после войны тоже. Как-то кормились. А зимой – совсем плохо. В конце 42-го даже чуть-чуть подвизался «помогать» в пекарне на Пересыпи. Как говорили при румынах: «Где харчи, там и торчи». До сих пор никто ничего нового так и не придумал.

Помню на Дидрихсона, где еще недавно было общежитие автодорожного техникума, стояла румынская часть. Эти румыны все время мелькали перед глазами, мелькали и тащили все под-

ряд... А в конце марта 44-го появились немцы, даже проходили колонной на нашей улице. Мы прятались кто где – на чердаках или в щели, вырытой на случай бомбежки. В конце двора был лаз в катакомбы – сначала вертикальная штольня высотой метра два, потом своды из ракушечника и разветвленные ходы. В 47-м этот вход завалили, а тогда здесь спасались всем двором. Если бы нас нашли, то сразу же могли расстрелять дворника. 2 апреля 44-го наш дворник, опасаясь за свою жизнь, выскочил на улицу и заорал: «Партизаны, партизаны!..». На наше счастье проезжающие на машинах немцы из-за шума моторов ничего не расслышали... После войны этот дворник жил у нас как ни в чем не бывало. Даже глаза не опускал...

А если по правде, то к чему я мог быть готов в 16 лет? Да толком ни к чему. Вот только в школе серьезно занимался художественной самодеятельностью. Даже представлял себя большим артистом. Ну как в фильме «Музыкальная история» с Сергеем Лемешевым. Там из простого таксиста получился солист Большого театра! Что-то, конечно, я мог – все же мы в школе немного проходили и сценическую речь, и сценические движения, и актерское мастерство. И все-таки вырос же я в Одессе!

Весной 43-го на Ланжероновской открылся очередной театр. И, конечно, начали с современной пьесы на военную тему. Знакомые посоветовали показаться там. А вдруг? С первого же просмотра предложили роль молодого немецкого офицера. Очевидно, на такое решение подтолкнула моя внешность – крепкий, белесый, высокий. На вид можно было дать лет 20, даже 22. Премьера прошла с успехом. А жили мы тогда какое-то время у моей крестной на Комсомольской, между Тираспольской и Большой Арнаутской. Крестная болела, пришлось разрываться между Пишоновской и Комсомольской. На радостях сразу же после спектакля, не переодеваясь, пошел на Комсомольскую. Хотел обрадовать маму. В башке же ветер, туман и фантазия. Шел через весь город, через румынские патрули. Тогда немцев в Одессе было очень мало. Румыны, очевидно, подходить как-то не рискнули. Я – наглаженный немец, в форме, фуражка с кокардой, начищенные сапоги, на левом боку кобура с «пистолетом». Одним словом, орел немецкий... По дороге представлял, как мама охнет, как бросится

на шею... Тут вспомнил, что в нашем дворе, в «еврейской квартире», поселились какие-то сволочи со Слободки. Эти новенькие все вынюхивали и высматривали. Я настолько вошел в роль, что решил на пару минут заскочить и заодно посмотреть им в глаза. Небрежно толкнул ногой их дверь. Держась за кобуру, на ломаном русском языке пояснил, что, мол, как-то аккуратней живите, мол, сбавьте обороты – иначе будем разговаривать в другом месте и на другие темы... У них задрожали и руки, и ноги, и все остальное.

Мама открыла дверь и чуть не упала в обморок. Быстро стянула с меня эту проклятую форму, сложила все в мешок и... выпустила через черный ход. Кто-кто, а она понимала, что этой мальчишеской выходкой я подвергаю всех смертельной опасности. Ну, как-то обошлось, но на этом «театральная история» не окончилась.

Дальше – больше. Сразу же после освобождения Одессы, в начале мая 44-го, меня призвали в армию. И почти сразу же на фронт. Уже в августе началась Яско-Кишиневская операция, освобождение Бессарабии, Молдавии и «разборки» с Румынией.

Хотел и попал в разведку. Сначала в батальонную, потом в полковую. Я довольно быстро вошел в курс дела. После формирования в нашем батальоне было что-то 300 человек. Но уже после первых боев осталось, может быть, чуть больше половины. Страшно...

Мы уточняли, где там танки, где пулеметные гнезда, где маскировка, сколько живой силы, где минные поля. Командир наш, хотя и молодой старший лейтенант, был уже стреляным разведчиком. А разведка, что «тихая», что «демонстративная» – это всегда между жизнью и смертью. «Демонстративная» так вообще – вызывают огонь на себя, чтобы засечь позиции противника. Туда, в основном, кидали штрафников. А «тихая» – это «тихая», и задания – специальные, и рейды глубокие...

22 августа 44-го, как только мы переправились через Днестровский лиман, тут же попали в засаду. Я получил ранение в бедро и левую ногу, но все-таки успел вытащить раненного командира из-под огня, сумел дотянуть к своим. Потом оказалось, что мой старший лейтенант – родной племянник нашего командира полка! И когда такое было?! Ко мне в госпиталь явился сам ко-

мандир полка: «Спасибо тебе, одессит! Я представил тебя к медали «За отвагу». Пока в дивизии утвердят, пока туда-сюда, получи от меня трофейный «Вальтер»! Считай, это твое наградное оружие». Получилось, что пистолет этот как бы наградной, но выдан без должного оформления. Так я оказался при личном оружии, а в голове навсегда застряли слова старого вора дяди Сени.

...После ранения и госпиталей уже в январе 45-го вернулся в Одессу с инвалидностью. Так что много повоевать не получилось. Потом еще очень долго тянул левую ногу. И даже сейчас, видишь, добре прихрамываю.

Так вот. Еще в конце 44-го в госпитале бывший штрафник-уголовник, между прочим, советовал: «Имей за привычку – когдаходишь на стремную квартиру, всегда старайся незаметно вешать пистолет на вешалку, а сверху на него – кепку. При тебе пушки нет, но она хорошо есть!». Тогда в голове прямо стукнуло: «Так то те же самые слова дяди Сени, только другими словами!».

Все это как-то запало в душу. И «Вальтер» мой я отпускал от себя максимум так на шаг.

...У моей мамы была родная сестра. Был у нее муж, дядя Яша, было двое детей. Дядя Яша ушел на фронт и погиб где-то под Харьковом. Еще в августе 41-го тетка с детьми эвакуировалась в Бухару. Что хорошего могло ее ожидать в Одессе с детьми от мужа-еврея? Соседи тут же бы «помогли» румынам разобраться в ситуации. И вот в августе 45-го пришлось ехать за ними в ту самую Бухару.

Добирался поездом до Ташкента что-то пару недель, оттуда – на перекладных до Бухары. Я был спокоен – мой «Вальтер» со мной, и сам я уже кое-что прошел...

Ну что? Чемоданов, конечно, никаких нет и близко. Быстро сбил деревянные каркасы, обтянул их фиброй, пристроил ручки, петли, пуговицы. Чем тебе не чемоданы? Собрал барахло, посуду, примус, тряпки всякие... Еще на базаре за две пары офицерских сапог выменял чуть гороха, чуть концентратов из пшенки и гречки, чуть американской тушенки.

Подогнали обычные товарняки. Мужики быстро смастерили нары в два-три яруса. Едем... На железной дороге – аврал. И понятное – войска двигаются на войну с Японией. Поезд наш очень часто

и надолго останавливался в чистом поле – пропускали военные эшелоны. А как ели? Я возил за собой два кирпича – ставил эти кирпичи, разводил огонь и разогревал там кашу, чай, тушенку. На полустанках менял ташкентский лук и чеснок на хлеб, картошку и, если очень повезет, на сало. На станциях проще – хоть можно кипяток добыть... Так двигались до Москвы больше месяца.

В поезде «Москва – Одесса» уже легче – и вода горячая, и порядка больше, и пассажиры другие. В Одессу возвращались и бедные, и богатые. Офицеры ехали к новому месту службы. По вагонам уже шныряли поездные воры, они «работали» в паре с немцами. Те давали наголку на «тяжелых» пассажиров, особенно на богатых евреев, возвращающихся из эвакуации. Жертв высматривали еще на вокзале, при посадке в вагоны.

Наверное, опытный воровской взгляд сразу же обратил внимание на наши чемоданы – пузатые и подозрительные. Мы же ехали еще из Ташкента, как говорили тогда, с «5-го Украинского фронта». Еще и в купейном вагоне...

Сначала в наше купе заглянул один немой, что-то пытался объяснить на пальцах. Думаю, он быстро осмотрелся – странные чемоданы, одна женщина, дети малые, какой-то хромоногий парень. Дело верное! Потом в купе ворвались двое с ножами: «Деньги, золото, бриллианты – на стол!». Дети заревели...

Никто не обратил внимания на мою кепку, одиноко «сидящую» на вешалке-крючке. Мне бы только дотянуться до нее! Я начал испуганно трястись, медленно продвигаясь к вешалке. «Вальтер» уже у меня в руках. Воры побросали ножи. Я поставил их на колени, демонстративно расстегнул чемодан: «Смотрите, какие у нас «бриллианты»! Сволочи, не попадайтесь больше на глаза!». И тут выручил «Вальтер», и тут «Вальтер» понял меня без слов...

...После войны в Одессе пришлось крутиться – кругом разруха, кругом голодуха, кругом обида и злость. А где работать? Сначала свели с евреями, которые делали кожу. Оборачивал куски кожи вокруг себя и проносил через проходную. Дальше – на толчок, на Косарку. Еще научился шить валенки для крестьян. Что тут? Купил трофейный ножной «Зингер», он брал любую толщину. Изношенные шинели красил черной краской, сушил, потом кроил «под валенки». Уголки вырезал из кирзовых сумок. А чем наклеи-

вать? Так доставал в порту пластинки каучука, разводил в бензине – вот тебе и клей. И опять – на толчок. И опять – Косарка... Так крутился ради куска хлеба. Время такое было...

Потом занялся «левой» водкой. Занялся тем, что кормило. И вот, кажется, летом 46-го заскочил в один дом на Комитетской на разговор с деловыми людьми. Кто мог знать, что за этой квартирой уже наблюдают бандиты. Настоящие бандиты! Когда собралось человек десять, в основном пожилых людей, в дверь постучали. В квартиру ворвались два вооруженных мужика. Начался грабеж – шмонали по карманам, отбирали деньги, ценности, хлебные карточки. Трусили всех, перекидывали шкафы и кровати. Все дрожали от страха. Бандиты расслабились, подальше спрятали пистолеты. Начали докапываться, где основная выручка от той «левой» водки. Никто меня, хромого, не брал в учет. Да и был я пешкой, всего лишь, как теперь говорят, реализатором товара. Что дали – то продали! Кто мог разглядеть во мне полкового разведчика с медалью «За отвагу»?! Я стоял в нескольких шагах от вешалки, от моего «Вальтера», прикрытого промасленной кепкой. Когда скомандовали выходить на улицу по одному, потянулся за своей кепкой... Мгновенно в руках оказался «Вальтер», давно снятый с предохранителя. Дальше все в обратном порядке – уложил бандитов на пол, отобрал пистолеты и награбленное. Чтобы навсегда забыли этот адрес, оставил им что-то на мелкие и средние расходы. Потом, правда, мы разошлись с миром. Никто не хотел умирать...

А через какое-то время на эту же квартиру нагрянула уже милиция. Все повторилось. Обыск, поиски оружия, липовых накладных, денег, ценностей. Перерыли все. Что-то, конечно, нашли, но опять никто не догадался заглянуть на вешалку, под мою кепку... Оружия нет – значит, обычные спекулянты, а я – так вообще никто и ничто...

А вот продолжение еще той военной «театральной истории».

Как раз напротив того дома на Комсомольской был толчок. Такой разбросанный и мало управляемый толчок. Здесь я частенько «перекидывал» или менял что-то на что-то. А на что дальше жить? Как-то уже в марте 47-го выскочил сюда с барахлом, без документов. Меня быстро засекли переодетые оперативники.

Слово за слово, я доверительно усмехнулся (все-таки когда-то учился на артиста): «Вы что, ребята! Я – фронтовик с ранениями и наградами! И живу здесь напротив... Какие еще нужны документы?!». Тогда они: «А! Напротив живешь? Ну тогда пошли к тебе домой...». Уже по ходу дошло, что дома могут найти мой «Вальтер», и тогда конец... Улучив момент, скользнул в черный ход – тот самый черный ход, через который меня выталкивала мама после «театрального дебюта». Оперативники подняли шум, пошли по квартирам – кто такой? Откуда? Так они дошли до тех соседей, которых я «взял на испуг» в 43-м. Те в два голоса подтвердили: «Как же! Он же сотрудничал с немцами (!), даже носил немецкую форму! Он же... он же...».

Пока разбирались, пока сличали... Пришлось доказывать, что я – не я... И наоборот. Выручил военком тогда Ворошиловского района полковник Фишман. Он-то меня помнил и по фронту, и по разведке, и вообще. В ноябре 45-го он же вручал мне запоздавшую медаль «За отвагу». А так – мог загреметь на всю катушку. И даже больше...

А потом жизнь сама все стерла.

Женился, пошли дети. Пора уже было отходить от грубых дел. Да и сама жизнь поправилась. Отменили карточную систему, хлеба – сколько хочешь. И на улицах как-то поспокойнее, люди улыбаются чаще...

А что с «Вальтером»? Я понимал, что все равно придется с ним расстаться. Но все равно сдавать не хотел. Вот так боролся с собой, пока 20 августа 49-го не забросил его подальше в море на Ланжероне. Всё. Та страница жизни перевернута.

Пошел на «Радиалку», где отпахал аж до 95-го года. Пока здоровье тянуло... И все равно еще много лет ходил на Ланжерон, на то место – сначала с сыном, потом с внуками, потом сам плелся... Бросишь один камень, бросишь другой. И вообще... Смотришь, как расходятся круги по воде. Точно так же расходилась и пропадала моя жизнь, опять расходилась и опять пропадала...

Уже молчи, старый дурак... Что, тебе мало всего?!

А до сих пор и ночью, и днем перед глазами тот «Вальтер» – мой заступник, моя справедливость.